

Из бесед с Леонидом Леоновым

Журнал «Театральная жизнь» ведет обсуждение вопросов дальнейшего развития театра. В дискуссии принимают участие писатели, деятели театра. В последнем, 16-м номере журнала опубликованы записи бесед с Л. Леоновым. В эти дни, когда обсуждается проект Программы партии, мысли Леонова о будущем нашего искусства особенно интересны.

Сегодня мы печатаем выдержки из этих записей.

Полагать, что за небольшой сравнительно отрезок времени, за четверть века, например, можно создать совершенно уж «новое» искусство, можно лишь от малой осведомленности в вопросах культуры.

Доброе, так называемое старое искусство, его методы слишком часто сейчас потираемые, слагались веками, если не тысячелетиями. Я, каюсь начистоту, выставляю себя на всеобщее поругание, но что-то шибко я сомневаюсь, чтобы

каким-нибудь пылким фантастам и потрясателям основ удалось нарушить эти скалы, застывшие, и, мне кажется, не совсем плохо застывшие в фантастическом пейзаже искусства.

Я отношусь всегда с опаской к людям, особенно молодым, на визитной карточке которых написано «новатор». Новаторов определяют потомки.

Я не отрицаю поиска в искусстве. Я даже порицаю отрицающих поиск, отрицаю ограниченную профессиональность, бездумную посредственность в дедовском еното-вом воротнике. Более того, лично я хочу верить в искренность художников-абстрактивистов.

Но очень уж много пришло к ним жулья, любящего всякую «новизну», где еще не установились твердые каноны. И когда абстрактивисты вместо одной точной линии чертят двадцать путаных перепутанных в одном направлении линий и творят хаос красок и форм, чтобы потрогать двадцати различным вкусам, — это значит им просто не хватает голоса. Потому что в наше время, когда (я не сделаю открытия) мир порой заглядывает за край с трепетом, у людей не может не родиться мысли в десять раз более сильных, чем *to be or not to be*. Ведь Гамлет решал за себя, а человечество сегодня отвечает за общую культуру и цивилизацию. Впрочем, во время извержения вулкана каждый ведет себя по-своему: один спасает диван, другой пишет завещание потомкам, а третий пытается связкой бессмысленных линий выразить смысл происходящего.

Мне в таком сокрушительном новаторстве (я говорю о внешнем новаторстве, о нагромождении элементов, о разрушении испытанных основ творчества) чудится попытка спрятать в обломках мелкость духа, тщету мысли. Зачем разрушать, если не произведен главный поиск, если не мобилизованы резервы души? Разумно ли применять взрывчатку для ваия новых форм?

Ведь искать нужно не средства выражения, а творческое состояние, мудрость, озарение... А средства придут сами, когда это потребуется. Я не знаю примеров, чтобы большой, гениальный художник задумался, как выразить идею. Это думает рука, это думает сама идея. Если идея родилась, она найдет способ выразиться. Бутылка всегда найдется, было бы вино, чтобы налить в нее. Сейчас, мне кажется, слишком часто обсуждают форму бутылки, качество стекла или орнамент, каковой надлежит на ней нанести. А дело-то в другом.

Человечество столько пережило, столько узнало сегодня, оно хранит в себе столько великолепного и страшного, невероятно взрывчатого и еще неиспользованного материала, выраженного покуда только в фантастических сдвигах, которые постигли нашу жизнь. Правду сказать, мои современники даже не понимают, какими огромными накоплениями владеют. Любая труженица таит в себе кладези материала, бесценного для искусства. Сколько она видела, оплакала, перестрадала! Сколько у нее было ожиданий, ликований, разочарований, сомнений! Никому из современных художников, в большинстве нашем, не удалось пока подобрать ключи к этим тайникам. Мы только похаживаем около, касаемся их не всегда почтительно и почти всегда поверхностно.

Нет, я не думаю, чтобы старые формы были так внезапно свергнуты в искусстве будущего. Категории искусства сохраняются прежние.

Человеческое тело останется тем же. Порывы человеческого духа были и впредь будут такими же, как в былые времена. Я неоднократно писал, что палитра человеческих страстей, вероятно, сохранится и в будущем как будто бы в прежнем виде, только она примет более благородный оттенок. Низменные страсти уйдут из нее.

Основой искусства будет все тот же человеческий дух — это снос не подделжит...

История взрывает лишь устаревшие общественные формы, стесняющие рост человечества и необходимую свободу его телодвижений.

Я не жду в будущем такой уж особой новизны, которая придет однажды под гром оркестра и рукоплескания толпы. Мне кажется, что новизна всегда приходит незаметно. Заметны бывают лишь средства, которые открывают ворота новизне. Сами же явления нового живут по закону накопления, перехода количества в качество, потому что новизна — это качество. Его не сразу замечают, а потом оказывается, что оно уже существует. И уже есть произведения, зеркально соответствующие состоянию умов и сердец. Но произойдет это без взола, без применения «фомки» в искусстве.

Дело ведь не в том, что в косми-